

Библиотека
Владимира МЕДИНСКОГО

ИВАН IV «КРОВАВЫЙ»

Что «увидели» иностранцы
в Московии

Владимир Ростиславович Мединский Иван IV «Кровавый».

Что увидели иностранцы в Московии

**Серия «Библиотека
Владимира Мединского»**

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25018287

Иван IV «Кровавый». Что увидели иностранцы в Московии: ТД

Алгоритм; Москва; 2017

ISBN 978-5-906914-03-3

Аннотация

Посетившие Московию иностранцы в период правления Ивана Грозного своими опусами активно содействовали созданию негативного образа нашей страны. Так, монах-иезуит Антонио Поссевино придумал миф о том, что монарх собственноручно убил своего сына. Не отстал от него и австрийский шпион Генрих Штаден, живописавший небылицы о "страшных казнях" опричников, а еще о чудовищной коррупции в высших эшелонах власти. Дипломат из Венеции Марко Фоскарينو утверждал, что положение "женщин и жен" было почти таким же, как у рабынь.

А еще он указал на то, что эти бесправные существа были готовы за скромное вознаграждение отдаться иностранцам.

В книге приводятся не только аутентичные исторические тексты, но и их критический разбор.

Содержание

Вместо предисловия. Какие мифы придумали иностранцы о Московии	6
Часть первая. Мифотворцы с берегов «Туманного Альбиона»	13
Лицом к лицу с чудовищем	13
Посольство Ер. Бауса (1583—84 гг.)	48
Путешествие Томаса Рандольфа (1568—1569 годы)	58
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Иван IV «Кровавый».

Что увидели

иностранцы в Московии

© Мединский В. Р., текст, 2016

© Чертопруд С.В., ред. – составитель, 2016

© ООО «ТД Алгоритм», 2017

Вместо предисловия. Какие мифы придумали иностранцы о Московии

Посетившие во второй половине XVI века Россию иностранцы или находящиеся на службе в этот период времени иностранцы, порой сами того не подозревая, создали множество мифов о Московии и ее царе Иване Грозном. Одни из них были относительно безобидны и связаны с непониманием иностранцев особенностей национальной культуры и специфики жизни. Например, все, что касалось церковной службы. Другие, наоборот, были опасны, т. к. формировали на Западе, говоря современным языком, негативный образ нашей страны. Например, противниками России во второй половине XVI века было предпринято немало усилий для формирования образа кровавого тирана Ивана Грозного. Причем не просто диктатора, а главаря армии злодеев – опричников. Прделанная тогда западными мифотворцами работа оказалась столь качественной, что даже спустя несколько столетий продолжает оказывать значительное влияние на оценку деятельности и саму личность Ивана Грозного. Основная причина – часть первоисточников по истории нашей страны второй половины XVI века – как раз эти сочинения.

Мы не ставим перед собой цели разоблачить все мифы о России, что есть в этих произведениях. Мы расскажем лишь о некоторых из них. Ну а остальные предлагаем отыскать вам самостоятельно. Предоставив для этого первоисточники.

Вот несколько примеров того, что обнаружили иностранцы в России, но почему-то этого не замечали местные жители.

Джером Боус (британский дипломат, в Москве находился в 1583 году):

голландские купцы регулярно давали щедрые «откаты» за право беспрепятственной торговли в Московии представителям царской администрации;

представители британских торговых компаний испытывали серьезные проблемы при ведении бизнеса в нашей стране;

Иван Грозный, желая задобрить дипломата, распорядился поставлять ему значительно больше продуктов для питания, чем это требовалось.

Александр Гваньини (итальянец, длительное время проживал на сопредельной с Московией территории):

«Если бы этому народу была предоставлена возможность напиваться ежедневно, он бы был истреблен взаимной резней. Ведь, опьянев, они совершенно теряют рассудок и соображение, как дикие животные, и убивают один другого ножами, кинжалами и всякого рода вероломным оружием»;

любой желающий мог заказать местному ювелиру чеканку серебряных монет;

«если муж и жена не нравятся друг другу, то они обычно выходят за деревню на перекресток, взяв с собой полотенце, тут они тянут его за концы, пока не разорвут пополам: они считают, что, разорвав его, разрывают также и брак»;

«отец также имеет право четырехкратной продажи сына (в рабство. – *Примеч. ред.*), так что если сын продан один раз и каким-нибудь образом освобожден или отпущен, то отец может продать его снова и снова, по своему отцовскому праву»;

«слуги большей частью обижаются на своих хозяев, если те их не наказывают как следует»;

«мало-мальски известные домовладельцы и чиновники, как простые, так и знатные, целыми днями сидят в своих четырех стенах и очень редко появляются в общественных местах: этим они надеются снискать у народа большой авторитет и уважение»;

«в кладовой великого князя хранится много пышных одежд, которые он дает на время всем и каждому из своих придворных на какое-нибудь торжество или для приемов иностранного посла»;

«москвиты до того грубый и вероломный народ, что никакой искренности в их взаимоотношениях нет, и никогда они не чувствуют к друг другу настоящего естественного расположения, но не боятся бесстыдно и дерзко обвинить

один другого в каком-нибудь преступлении, нимало не смущаясь, открыто или тайно»;

Томас Рандольф (британский дипломат, в 1568–1569 годах находился в Московии):

монахи в русских монастырях «живут отдельно, едят вместе, сильно предаются пьянству, не учены, писать умеют, но никогда не поучают, в Церкви торжественны, молятся долго»;

жители российских городов «много предаются пьянству и другим отвратительным порокам»;

Иоганн Таубе и Элерт Крузе (служили при дворе Ивана Грозного):

придумали множество подробностей об опричнине.

Джилс Флетчер (британский дипломат, в 1588 году посетил Московию):

10 нестандартных способов пополнения госбюджета: начиная от изъятия имущества крупных взяточников с публичной казнью последних и заканчивая скупкой по низкой цене какого-либо товара, а затем насильственной продажи его купцам по более высокой;

«что нет слуги или раба, который бы более боялся своего господина, или который бы находился в большем рабстве, как здешний простой народ»;

«народ (хотя вообще способный переносить всякие трудности) предается лени и пьянству, не заботясь ни о чем более, кроме дневного пропитания»;

власть всячески препятствуют возможности путешествовать жителям Московии, как внутри страны, так и за ее пределами, что бы «чтобы они не научились чему-нибудь в чужих краях и не ознакомились с их обычаями»;

«русский царь надеется более на число, нежели на храбрость своих воинов или на хорошее устройство своих сил»;

«брачные обряды у них отличны от обрядов в других странах»;

«в обращении со своими женами мужья обнаруживают варварские свойства, обходясь с ними скорее как со своими прислужницами, нежели равными»;

«всякий раз, как варится пиво, у них есть обычай принести часть сусла священнику в церковь и по освящении вливать его в пиво, отчего оно получает такую силу, что кто его напьется, редко остается трезвым»;

зимой, когда земля промерзла и могилу выкопать проблематично, «они не хоронят покойников, а ставят их (сколько ни умрет в течение зимы) в доме, выстроенном в предместье или за городом, который называют Божедом, или Божий дом: здесь трупы накладываются друг на друга, как дрова в лесу, и от мороза становятся твердыми, как камень; весной же, когда лед растает, всякий берет своего покойника и предает его тело земле»;

«они вялы и недеятельны, что, как можно полагать, происходит частью от климата и сонливости, возбуждаемой зимним холодом, частью же от пищи, которая состоит преимущественно из кореньев, лука, чеснока, капусты и подобных растений, производящих дурные соки; они едят их и без всего и с другими кушаньями»;

«напиваться допьяна каждый день в неделю у них дело весьма обыкновенное»;

«что касается до верности слову, то русские большей частью считают его почти нипочем, как скоро могут что-нибудь выиграть обманом и нарушить данное обещание»;

Антонис Хутеерес (член голландской дипломатической миссии, в 1615–1616 годах находился в Новгороде):

Иван Грозный, находясь в Новгороде в 1569 году, «приказал сбросить с Волховского моста 1700 именитых горожан и кроме того множество монахов и бедных людей, которых для того, чтобы доставить ему удовольствие, всех приказали безжалостно погубить, утопив»;

царь придумывал изощренные наказания для своих подданных (например, он приказал «посадить тогдашнего митрополита задом наперед на лошадь, дал ему в руки дудочку, в которую он должен был дудеть, и послал его в таком виде с большим позором в путь на Москву»).

Генрих фон Штаден (немецкий авантюрист, опричник ца-

ря Ивана Грозного):

сверхвысокий уровень коррупции и казнокрадства;
решение судебных споров с помощью кулачных боев – кто победил, тот и прав;

«если кто разбойничал, убивал и грабил, а потом с добром и деньгами бежал в монастырь, то в монастыре был он свободен от преследования»;

«великий князь (Иван Грозный. – *Примеч. ред.*) пришел в Тверь и приказал грабить все – и церкви, и монастыри; пленных убивать, равно как и тех русских людей, которые породнились и сдружились с иноземцами. Всем убитым отрубали ноги – устрашения ради; а потом трупы их спускали под лед в Волгу. То же было и в Торжке; здесь не было пощады ни одному монастырю, ни одной церкви».

Павел Юстен (шведский дипломат, в Москву прибыл в 1569 году):

русские изощренно издевались над дипломатами и их слугами (первых содержали «как арестантов и преступников», а вторых – «как свиней в хлеву», а так же изъятием у них всех ценных вещей;

денег, что «давали русские на их содержание» хватало лишь «скудный завтрак» и «тот отвратительный напиток, который они называли квасом».

Часть первая. Мифотворцы с берегов «Туманного Альбиона»

Лицом к лицу с чудовищем *Владимир Мединский*

В 1553 году корабль «Эдуард – Благое предприятие» с экипажем из 28 человек под командой главного кормчего Ричарда Ченслора вошел в устье Северной Двины и бросил якорь у монастыря Святого Николая. В Двинской летописи это событие зафиксировано под 24 августа.

В начале XVI века английские купцы оказались в тяжелом положении. Почему-то именно из такого положения в Европе было принято вспоминать о России. Удар по английской торговле нанесло открытие португальцами морского пути в Индию вокруг Африки. Португальцы стали монополистами по восточным пряностям на европейских рынках. А вывоз испанцами из Америки серебра привел к «революции цен». Традиционный английский товар – сукно, стал стоить в Европе дешево.

Надо было искать новые рынки сбыта и новые пути в

восточные страны. Из сочинения Павла Йовия¹ англичане узнали о возможности попасть в Индию и Иран через территорию Московии. От шведов им стало известно о существовании морского пути в эту страну по северным морям. В 1548 году в Лондоне было создано «Общество купцов, искателей открытия стран, земель, островов, государств и владений неизвестных и доселе не посещаемых морским путем». Когда его уставной капитал достиг 6 тысяч фунтов стерлингов, было решено отправить три корабля через северные моря к далекой Московии, в которой правил Иван Грозный.

В мае 1553 года корабли под началом Хью Уиллоуби отправились к намеченной цели. Из 116 человек, находившихся на них, 11 были торговыми людьми. Однако двум кораблям не повезло. Они затерялись в Белом море, были вынуждены остаться во льдах на зимовку, и во время нее все участники экспедиции умерли от голода и холода. Но «Эдуард – Благое предприятие» Ченслора до цели дошел.

ЧЕНСЛОР. КНИГА О ВЕЛИКОМ И МОГУЩЕСТВЕННОМ ЦАРЕ РОССИИ И КНЯЗЕ МОСКОВСКОМ

¹ Йовий Павел (Паоло Джовио) (21.4.1483, Комо – в ночь с 11 на 12.12.1552, Флоренция; похоронен в церкви Сан-Лоренцо), итальянский гуманист и историк. Выполнял многочисленные поручения литературного и церковно-дипломатического характера при дворах римских пап Льва X, Адриана VI, Климента VII и Павла III; часто путешествовал по итальянским государствам и Европе. В 1525 году издал трактат о Русском государстве – «Книгу о посольстве Василия, великого князя московского, к папе Клименту VII». – *Примеч. ред.*

Когда Ченслор подъехал к ним, рыбаки, помертвев от страха, пали перед ним ниц и собирались целовать его ноги. Но он, по своей всегдашней большой любезности, ласково посмотрел на них, ободряя их знаками и жестами, отказываясь от их знаков почтения, и с дружеской лаской поднимал их с земли...

Тем временем наши люди узнали, что страна эта называлась Россией, или Московией, и что Иван Васильевич (такое было имя их тогдашнего короля) правил далеко простиравшимися вглубь землями. Русские варвары, в свою очередь, спрашивали у наших, откуда они и зачем они приехали, на что они получали ответ, что приехали англичане, посланные к этим берегам превосходнейшим королем Эдуардом Шестым с приказанием сделать их королю сообщение о некоторых делах, что они ничего не ищут, кроме его дружбы и возможности торговать с его подданными, отчего великая прибыль будет для подданных обоих королевств.

Варвары охотно слушали такие речи и обещали помочь и содействовать немедленному осведомлению своего короля о столь умеренной просьбе.

ДВИНСКАЯ ЛЕТОПИСЬ

Того же лета, августа в 24-й день, прииде корабль с моря на устье Двины реки и обослався: приехали на Холмогоры в малых судех от английского короля Эдварда посол Рыцарт, а с ним – гости.

КОЛЛЕКЦИЯ РАНИХ ПУТЕШЕСТВИЙ

Ричард Ченслор вскоре получил приглашение в Москву. Царь Иван IV радушно встретил его, одарил всевозможными подарками и весной 1554 года с грамотой к королю Эдуарду VI отпустил на родину. В этом документе писалось о том, что английские купцы получают право свободной торговли на всей территории Русского государства.

Хотя на обратном пути Ченслор был ограблен голландцами, в целом его путешествие было расценено в Англии как очень успешное. В качестве отчета он написал сочинение о Русском государстве, которое назвал «Книга о великом и могущественном царе Русском и великом князе Московском». Правда, он не успел закончить свой труд. Позднее он был дополнен Климентом Адамсом – образованным человеком, который преподавал в университете. С его помощью «Книга» была написана на латыни.

Сменившая короля Эдуарда королева Мария дала разрешение на создание в феврале 1555 года «Московской торговой компании». В ее состав вошли 6 лордов, 22 представителя высшей знати и 29 менее знатных дворян. В правлении были 1 или 2 губернатора, 4 консула и 24 ассистента. Велика же была заинтересованность правительства и знати в контактах с Русским государством!

Ричард Ченслор вскоре отправился во второе путешествие в Россию, но на обратном пути погиб. В ноябре 1556

года его корабль разбился у берегов Шотландии. В 1557 году его сменил Антоний Дженкинсон, который не ограничился посещением Москвы, а стал искать пути в восточные страны. В итоге он четыре раза посетил Русское государство и смог добраться и до Бухары, и до Персии. Все свои поездки он описал в отдельных произведениях. Кроме того, особое сочинение создал и его переводчик Р. Бест.

Английский матрос Уильям Бэрроу составил карту побережья Баренцева моря. Его родственник Стивен Бэрроу в 1556 году доплыл до Новой Земли и сделал описание Баренцева моря и окружающих его земель.

Заметки о России написали и некоторые английские послы. Например, Т. Рэндольф, ездивший в Москву в 1568 году по поручению королевы Елизаветы, и Дж. Баус, обсуждавший в 1583–1584 годах с Иваном Грозным военный союз против Польши и Швеции и возможность его женитьбы на родственнице английской королевы.

В 1589 году издатель Гаклюйт собрал все эти сочинения и опубликовал в сборнике «Коллекция ранних путешествий». Он вышел в свет в Лондоне. В XIX веке этот сборник несколько раз переиздавался «Гаклюйтовским обществом».

Первым по времени написания является сочинение Ченслора.

Так как главный кормчий считал себя первооткрывателем пути в Русское государство, для него было бы естественным представить нашу страну в самом положительном виде.

Из заголовка его произведения напрашивается вывод о том, что содержание исключительно хвалебное. Первые фразы, казалось бы, это подтверждают: «Россия изобилует землей и людьми и очень богата теми товарами, которые в ней имеются».

Превосходная рыба, ворвань², пушнина, рыбий зуб (клыки моржей), лен, конопля, воск, мед, кожи, сало, зерно. Не ограничиваясь простым перечнем, Ченслор подробно указал, в каких русских городах выгоднее купить эти товары, описал населенные пункты, которые видел во время поездки в Москву из Холмогор. При этом отметил только положительные моменты. Например, населенность деревень от Ярославля до Москвы, обширные поля вокруг, активное движение на дорогах. Эти сведения уникальны, поскольку в русских источниках этого времени нет данных о плотности заселения местности между Ярославлем и Ростовым и дорожном движении.

Описывая Москву, Ченслор указал, что по площади она больше Лондона с предместьями, но заметив, что дома возведены хаотично и очень пожароопасны, поскольку деревянные. Оценил он и красоту каменного Кремля, хотя и подчеркнул, что иностранцам запрещено его осматривать. К тому же, по его мнению, замки в Англии лучше. Царский дво-

² Устаревший термин, которым называли жидкий жир, добываемый из сала морских млекопитающих (китов, тюленей, белух, моржей, дельфинов), а также белого медведя и рыб. Сейчас обычно употребляется термин «жир»: китовый жир, тюлений жир, тресковый жир и т. п. – *Примеч. ред.*

рец ему не понравился – с низкими потолками и без роскоши. Хотя Ченслор и не испытал особого восторга от Кремля, критики в его сочинении тоже нет. Например, он указал, что крепостные сооружения хорошо вооружены всевозможной артиллерией, а 9 кремлевских храмов просто превосходны. Английский моряк явно старался быть объективным. В это время в Кремле, действительно, все храмы были каменными.

Особенно интересен описанный Ченслором прием и пир у Ивана IV. Англичанина поразили роскошные одежды приближенных царя и его самого, а также обилие золотой посуды, на которой подавались блюда во время обеда всем гостям, которых было не менее 200 человек. При этом он ничего не написал о качестве блюд, которые многим иностранцам не нравились, или отсутствии столовых приборов. Тут Ченслор стремился лишь к тому, чтобы рассказать о баснословном богатстве русского государя. Важно для него было и то, что сам он был принят с большим почетом в царском дворце. На родине это являлось свидетельством важности его миссии в Россию.

ЧЕНСЛОР. КНИГА О ВЕЛИКОМ И МОГУЩЕСТВЕННОМ ЦАРЕ РОССИИ И КНЯЗЕ МОСКОВСКОМ

Теперь расскажу о моем представлении Царю. Когда я уже прожил здесь 12 дней, дьяк, ведавший дела иностранцев, прислал мне уведомление, что князь желает, чтоб я явился к нему с грамотами короля, моего государя; этому я был

очень рад и со тщанием приготовился. Когда Князь занял свое определенное место, за мною пришел толмач в верхнюю комнату, где сидело слишком 100 дворян, все в роскошных с золотом платьях; отсюда я вошел в залу Совета, где сидел Князь со своею знатью, образовывавшею великолепную свиту; они сидели вокруг комнаты один выше другого; сам же князь сидел значительно выше, чем кто-либо из его приближенных, в позолоченном кресле; одет, он был в длинное золотое платье, с царской короной на голове; в правой руке держал скипетр из хрусталя и золота, левой опирался на свое кресло. Думный дьяк с дьяком стояли перед князем. Поклонившись, я передал ему грамоту; Князь милостиво подзвал меня и осведомился у меня о здоровье короля, моего государя; я отвечал ему, что при моем отъезде король был в добром здравии, и что я надеюсь, что и теперь он в таком же здравии. После этого князь пригласил меня к обеду. Думный дьяк представил мои подарки Его Светлости открытыми (до этого времени они были закрыты), и когда Его Светлость взял мою грамоту, я был приглашен выйти; я не мог говорить с Князем, исключая тех случаев, когда он обращался ко мне.

Я отправился в секретарскую комнату, где и ждал 2 часа, по прошествии которых я был приглашен в другой дворец, называемый золотым; не знаю, почему он так называется: я видел много дворцов, которые лучше этого во всех отношениях. Я вошел в палату, которая мала и необшир-

на, как зала Его Величества, короля Англии; стол был накрыт скатертью, на конце стола сидел Кравчий (Маршал) с небольшим белым жезлом в руке, этот стол был переполнен золотой посудой. На другом конце палаты стоял красивый шкаф с серебряной посудой.

Отсюда я вошел в обеденную палату, где сидел сам Князь, не в торжественном платье, а в серебряной одежде, с короной на голове; сидел он на стуле, несколько приподнятом; около него никого не сидело. Вокруг комнаты стояли столы, за которыми сидели лица, приглашенные князем к обеду; все были в белых платьях. Места, на которых стояли столы, были подняты ступени на две. Посреди палаты стоял стол или шкаф для посуды, наполненный золотыми чашами (между прочим здесь находились 4 удивительно больших кружки (*crudences*, как их называют здесь) из золота и серебра; думаю, что они добрых 1 1/2 аршина высотой). При шкапе с посудой стояло 2 дворянина с салфетками на плечах, оба держали по золотой чаше, усыпанной жемчугом и драгоценными камнями; это были чаши для питья самого князя; когда он бывал в хорошем расположении, он попивал из них по глотку. Блюда подавались Князю без порядка, но сервиз был очень богатый: всем было сервировано золотом, не только Князю самому, но и нам всем, притом приборы были массивные; золотые чаши также были очень массивны. Число обедавших доходило в тот день до 200 чел., и всем им были поданы золотые сосуды. Прислуживавшие дворяне

были в платьях с золотом и служили Князю с шапками на головах.

До подачи кушаний Князь разослал всем по большому куску хлеба, и податель, называя вслух лицо, которому было послано, говорил: «Иван Васильевич, Царь Русский и Великий Князь Московский, пожаловал тебя хлебом»; при этом все вставали и так оставались, пока он произносил эти слова. После всех Князь дал кусок хлеба Кравчему, который тот съел перед Князем и затем, откланявшись, вышел. Тогда внесли блюдо лебедей, разрезанных на куски (каждый лебедь на отдельном блюде), куски Князь рассылал также как и хлеб, и податель говорил те же слова. Как я уже говорил, кушанья подавались не по порядку, а одно тотчас за другим. Затем Князь рассылал с теми же словами напитки. Перед обедом он переменял свою корону, да во время обеда две, так что я видел 3 короны на его голове в один день.

Когда все было подано, он дал каждому из прислуживавших ему дворян кушаний и напитков из собственных рук; его намерение при этом, как я слышал, было то, чтобы все уважали его слуг. По окончании обеда он подзывал к себе по имени каждого из своих знатных; удивительно было слушать, как он может знать их имена, когда их так много у него. Я по окончании обеда отправился в свое помещение, был уже час ночи...

Этот Князь повелитель и Царь над многими странами, и его могущество изумительно велико. Он может вывести в

поле 200 и 300 т. людей; сам он никогда не выступает в поле менее чем с 200 т. людей, и когда он выступает в поход, еще оставляет на границах войска, численность которых не мала. На Лифляндской границе он держит до 40 т. чел., на Литовской – до 60 т., против ногайских татар – тоже 60 тыс. люд. – просто, удивительно слышать; к тому же он не берет на войны ни крестьян, ни торговцев. Все его военные – всадники, пехоты он не употребляет за исключением служащих при артиллерии и прислужников, которых будет тысяч 30.

Всадники – стрелки, имеют также же луки и ездят верхом так же, как и турки. Доспехи их состоят из кольчуги и щита на голове. Некоторые покрывают свои кольчуги бархатом или золотой или серебряной парчой; это их страсть роскошно одеваться в походе, особенно между знатными и дворянами; как я слышал, украшения их кольчуг очень дороги, отчасти это я и сам видел, иначе едва ли бы я поверил. Сам Князь одевается богато, выше всякой меры; его шатер покрывается золотой и серебряной парчой, до того усыпанной драгоценными камнями, что чудно смотреть; я видал шатры королей Английского и Французского, которые великолепны, однако же и не походят на этот.

Когда русских посылают в отдаленные иностранные земли, или когда к ним являются иностранцы, то они одеваются чрезвычайно пышно; а то и Князь сам ходит в плохеньком платье; когда он переезжает из одного города в другой,

то он одевается только умеренно сравнительно с другими временами. Пока я жил в Москве, Князь отправил 2 послов к Польскому королю; они взяли с собой, по меньшей мере, 500 лошадей, пышность их была выше всякой меры: не только на них самих, но и на лошадях их были: бархат, золотая и серебряная парча, усыпанные жемчугом, и притом не в малом числе. Что сказать мне дальше; никогда я не слышал и не видал столь пышных людей; но это вовсе не ежедневное их одеяние: когда нет случая, их обиход только посредственен, как я уже сказал.

Описание Ченслором приема в царском дворце часто используется в трудах историков, поскольку в каких-либо документальных источниках таких данных для середины XVI века нет. Подробные описания пиров во дворце относятся только к XVII веку. Первая роспись царским кушаньям датируется 1610–1613 годами.

Несмотря на ироничное замечание о показной пышности, Ченслор был вынужден признать, что могущество русского царя «изумительно велико». Сведения о том, что его войско было конным и состояло из дворян, англичанин мог получить от русских людей. К тому же он мог наблюдать отправку под Астрахань трех полков ранней весной 1554 года. Исследователи, правда, считают, что численность войска в сочинении Ченслора сильно преувеличена. Оно было чуть больше 100 тыс. человек – 5 полков по 20 тыс. воинов.

Хотя у Ченслора не было возможности увидеть, как ведут себя в бою русские воины, он написал, что «они с криком бегают кругом и почти никогда не дают сражений своим врагам, но действуют только украдкой». В русских источниках иные данные, и слова англичанина представляются выдумкой. На это указывает хотя бы тот факт, что конные воины, из которых состояло русское войско, никак не могли бегать, им полагалось скакать.

Недостоверным выглядит и другой рассказ Ченслора – о суровом образе жизни русских солдат. Якобы они зимой ночевали на снегу у костра, прикрываясь только куском войлока, питались же одной водой с овсяной мукой. Из сообщения самого моряка следовало, что в русском войске не было простых солдат, оно состояло из дворян. К тому же царь не вел длительных войн в зимнее время. Характерно, что эта мало-достоверная информация получила среди европейцев широкое распространение и использовалась потом в сочинениях других авторов, например, Флетчера.

По мнению англичанина, русское войско вообще не было обучено тактике и стратегии. Однако из русских источников известно, что Иван IV очень интересовался сочинениями о военных походах Александра Македонского, римских императоров. У него на службе состояли иностранные специалисты, которые помогли ему провести военные реформы. Об этом сообщали и русские источники, и сами англичане, например, Дженкинсон. В ходе военных реформ 1550–1556 го-

дов Иван IV смог создать мощное и хорошо обученное войско, не уступавшее лучшим европейским армиям того времени.

Не разобравшись, как русские вели боевые действия и побеждали (незадолго до прибытия Ченслора в Москву в 1552 году была с триумфом взята Казань), англичанин с снобистски заметил: «Что могло бы выйти из этих людей, если бы они упражнялись и были обучены строю и искусству цивилизованных войн? Если бы в землях русского государя нашлись люди, которые растолковали бы ему то, что сказано выше...»

Русских он выставлял перед своими читателями далекими от цивилизации варварами, хотя и выносливыми и неприхотливыми. «Я могу сравнить русских с молодым конем, который не знает своей силы и позволяет малому ребенку управлять собою и вести себя на уздечке, несмотря на всю свою великую силу». Англичанин явно намекал, что его соотечественники имели возможность направить русских в нужное русло и извлечь из этого максимальную выгоду.

Ченслор плохо разобрался в различных аспектах жизни в Русском государстве. Например, совсем не понял, как царь платил своим подданным за службу, считая, что русская знать служила бесплатно. Жалование же, по его мнению, небольшое, получали только иностранцы. При этом русские дворяне якобы совсем не имели собственности, в отличие от англичан. На самом деле, для дворян платой за службу явля-

лись поместья. У представителей высшей знати имелись наследственные владения – вотчины. За успешную и многолетнюю службу государь мог пожаловать дворянину поместье в вотчину.

Данные о русском войске и о том, что русские дворяне служат без жалования и очень неприхотливы в быту, аналогичны тому, что писал об этом Герберштейн. Напрашивается предположение, что эта информация была заимствована из «Записок о Московии» австрийца. Но вряд ли это сделал сам автор «Книги о великом и могущественном». Эти заимствованные дополнения, вероятнее всего, были вставлены в первоначальный текст Климентом Адамсом, когда Ченслор вновь отправился в Россию.

АДАМС

Сначала считалось, что Адамс был спутником Ченслора. Но потом историки выяснили, что этот человек никогда не был в России. Он родился около 1519 года в Букингтоне и умер в 1587 году в Гринвиче. В 1536 году закончил колледж в Кэмбридже и с 1539 года стал его преподавателем.

В 1554 году к Адамсу обратился Р. Эден и попросил описать путешествие Ричарда Ченслора. Тот отправился в Лондон к ставшему знаменитым мореплавателю и после нескольких бесед с ним составил на латыни сочинение «Новые английские путешествия в Московию». «Написано на латинском языке Климентом Адамсом» – это вынесено на

первую страницу.

В 1555 году Эден включил его в сборник с другими аналогичными произведениями и опубликовал.

В англосаксонской литературе записки самого Адамса о России – да, есть и такое сочинение! – рассматриваются как памфлет, поскольку с русской действительностью он не был знаком. Несмотря на это, его труд «Английское путешествие к москвитам» был опубликован в сборниках с сочинениями настоящих путешественников. В 1589 году он был переведен на английский язык и опубликован Гаклюйтом. В 1600 году латинский текст был издан во Франкфурте, и в 1630 году вышло повторное издание.

Завершая недописанное сочинение Ченслора, всю недостающую информацию Адамс брал из сочинений других путешественников. Герберштейн «поделился» с ним таким удивительным фактом, что в Русском государстве преступников редко казнили даже за тяжкие преступления. Судьи старались провести расследование, вызывали свидетелей. Если дело было спорным, то его решали с помощью поединка. При этом тот же Герберштейн пером Адамса и якобы устами Ченслора сообщил, что русские люди по природе своей склонны к обману. Сдерживали их от этого только сильные побои.

Кроме заимствованных малодостоверных фактов, в «Книге о великом и могущественном...» можно обнаружить и ложные сведения. К их числу относится рассказ, якобы

услышанный от одного русского человека о том, что он любит жить в тюрьме, поскольку там можно получать пищу и одежду, не работая. В XVI веке подобных тюрем в Русском государстве вообще не существовало. Заключенных могли поместить под стражу в каком-нибудь помещении при приказе или заставить должностное лицо охранять его в собственном доме. При этом обвиненный обязан был питаться и одеваться за свой счет. Если у него не было родственников и друзей, то он мог умереть с голоду. За счет казны очень скудно содержались только государственные преступники, большую часть которых, как правило, отправляли в отдаленные монастыри или города под надзор приставов или местных воевод.

Обо всем этом можно узнать из следственных дел того времени. Одним из наиболее громких было дело Романовых. Из него можно узнать, что Ф.Н. Романова и его жену постригли в монахи, их детей с родственницами отправили в заключение на Белоозеро под надзор приставов. При этом царь должен был лично распоряжаться о том, чтобы им выделили средства на одежду и питание. Позднее их перевели в их собственную вотчину. Михаила сослали в Сибирь, где для него была вырыта земляная тюрьма. В ней он погиб от голода и холода. Из Следственного дела Федора Андронова можно выяснить, что хотя этот человек считался государственным преступником и обвинялся в краже царской казны, он содержался на дворе частного лица. При этом родственники

обязаны были заботиться об его пропитании.

Сведения Ченслора о православной вере и русской церкви в целом аналогичны тем, что содержатся в «Записках» Герберштейна. Англичанин также упрекал русских людей за суеверия, полагая, что истинная вера только у протестантов (Герберштейн считал, что у католиков). К числу суеверий он относил поклонение иконам, почитание Ветхого Завета, излишнюю склонность к постам светских людей и очень скудное питание в монастырях. При этом Ченслор приводил факты, которые говорят об его плохой осведомленности в данном вопросе. Например, он утверждал, что во время церковной службы русские люди сидят и болтают друг с другом. Однако, как известно, в православных храмах полагается стоять. Сидеть разрешается только в костелах.

Данные Ченслора о тяжелой жизни в Русском государстве бедняков противоречат известиям Барбаро и Контарини о большом количестве продуктов на русских рынках, которые стоят сущие копейки. Многие иностранцы писали, что жизнь простых людей в России сытная, но без излишеств. Нищих и тюрьмы мог вставить Адамс, никогда не бывавший в Русском государстве, но знакомый с реалиями жизни простых людей в Англии.

Еще больше противоречий в данных английского моряка, касающихся православных монастырей. Описывая суровую жизнь в них с постоянным соблюдением постов и многочасовыми церковными службами, Ченслор сделал неожиданный

вывод: «Что касается разврата и пьянства, то нет в мире подобного, да и по вымогательствам это самые отвратительные люди под солнцем». Поскольку никаких примеров и доказательств для этого высказывания в «Книге о великом и могущественном...» нет, то его следует считать откровенной ложью. Тем более что в монастыри не допускались представители иной веры. Протестант Ченслор не имел возможности ознакомиться с внутренней жизнью православных монастырей.

Надуманное выглядит утверждение, что православные верующие не понимали содержания Евангелия. Все церковные книги были написаны на церковно-славянском языке, понять их содержание русским было легко. Иная ситуация была у католиков и протестантов. У них Священное писание было написано на латыни, которую рядовые верующие не знали.

Вообще, о повседневной жизни русских людей ошибочных сведений много. Ченслор пишет о повсеместном пьянстве, но оно разрешалось только по определенным праздникам. Пишет о практике продажи в рабство жен и детей. Но институт холопства означал лишь наем на службу на заранее обговоренных условиях.

Ченслор и его соавтор Адамс практически повторили все «черные мифы», которые были в сочинениях других европейцев: о деспотизме русских правителей, склонности русских людей к пьянству, раболепию, суевериям и плутовству.

Причем, вполне вероятно, английский моряк в этом не виноват и дополнения из «Записок» Герберштейна с их негативом были внесены в первоначальный текст позднее. Сделал это Адамс. Сам же Ченслор мог дать сведения только о русских товарах и приеме в царском дворце, поскольку с остальными сторонами жизни в Русском государстве вряд ли ознакомился.

К этой мысли подталкивает собственное сочинение Адамса «Английское путешествие к москвитам». Информацию из этого полного выдумок труда (стоит напомнить: он выходил не только по-латыни, но и на английском) позднее использовал Дж. Горсей, в частности, данные о том, что в России одна треть всех земель принадлежала церкви. Так был создан очередной миф, который переключал потом на страницы исторических исследований.

АДАМС.

АНГЛИЙСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ К МОСКОВИТАМ

Русский переносит холод выше всякого вероятия и довольствуются самым малым количеством пищи. Когда земля покрыта глубоким снегом и окостенела от сильного мороза, Русский развешивает свой плащ на кольях, с той стороны, с которой дует ветер и сыплется снег, разводит себе маленький огонек и ложится, спиной к ветру; один и тот же плащ служит ему крышей, стеной и всем. Этот жилец снегов черпает воду из замерзшей реки, разводит в ней овсяную

*муку, и обед готов. Насытившись, он тут же располагает-
ся и отдыхает при огне. Мерзлая земля служит ему пухови-
ком, а пень или камень подушкою. Неизменный его товарищ,
конь, питается не лучше своего героя...*

*...В смежности с татарами живут идолопоклонники.
Главный идол их называется золотой телицею. Если слу-
чится общественное бедствие, как-то: голод, война или яз-
ва, то они вопрошают идола следующим образом: народ по-
вергается пред ним на землю и молится; посредине ставит-
ся тимпан; вокруг него ложатся, кому выпадет жребий; на
тимпан кладут серебряную жабу, и по тимпану ударяют
палочкой. На кого упадет жаба, того на месте убивают; не
знаю каким волшебством, он тотчас оживает и открыва-
ет причину бедствия. Таким образом идола умилостивлива-
ют и бедствие проходит.*

После Ченслора в Москве побывало множество англичан – мореплавателей, купцов, послов. Некоторые из них составили записи о своих визитах. Эти сочинения были существенно короче «Книги о великом и могущественном...» и содержали информацию, интересующую преимущественно купцов.

К числу таких произведений следует отнести «Описание неизвестного англичанина, служившего царю зимой 1557–1558 гг.». Исследователи предполагают, что автором его был английский переводчик Роберт Бест, который прибыл в

Москву вместе с английским дипломатом и купцом Антони-ем Дженкинсоном. Вместе с ним вернулся на родину и первый русский посол в Англию Осип Непея.

В сочинении Р. Беста почти нет негативной информации о Русском государстве. Оно представляет собой лишь подробное описание путешествия англичан из Холмогор в Москву и встречи их с Иваном IV.

Бест сразу же отметил гостеприимство русских людей. Он подробно перечислил продукты, которыми англичан снабдили жители Холмогор. Это хлеб, масло, оладьи, говядина, баранина, свинина, яйца, рыба, гуси, утки и куры. Москва, по мнению переводчика, была обширным городом. Он указал также, что их поселили в просторном доме, где для каждого была предусмотрена отдельная комната. Через два дня прибывших англичан принял сам царь и пригласил на обед. Бест заметил и оценил расположение Ивана IV к заморским гостям.

Переводчик с большим восхищением описал великолепную одежду Ивана Грозного и его придворных, большое количество роскошной золотой посуды, на которой им подавали кушанья. Вина и мед показались ему чудеснейшими, но по поводу кушаний он заметил, что бывают и лучше. Это было единственное критическое замечание, которое встречается в описании приема у царя.

Далее в сочинении Беста подробно, с указанием дат получения, перечислены царские подарки, даны сведения о

приемах и обедах, описаны учения царских войск, праздники Крещение, Масленица, Вербное воскресенье и Пасха... Можно заметить, что автор здесь стремится описать лишь то, что видел и воздерживается от каких-либо своих оценок. Поэтому эта часть сочинения является ценным свидетельством повседневной жизни русских людей и может быть использована в качестве исторического источника.

БЕСТ.

ОПИСАНИЕ РОССИИ НЕИЗВЕСТНОГО АНГЛИЧАНИНА

6 дек. день св. Николая, мы обедали у Царя; этот день один из главнейших праздников, соблюдаемых москвитами. Посуда была серебряная, порядок тот же что и прежде. Пробыло уже 7 часов, прежде чем обед кончился.

Его Царское Величество, обыкновенно, приказывает в декабре вывозить в поле за предместье всю артиллерию, которая находится в Москве; там ее устанавливают и направляют на два деревянных дома, набитых землей; против домов ставят 2 белых значка, у которых артиллерия стреляет; делается это, чтоб Царь мог видеть на что способны его пушкари. У русских прекрасная артиллерия из бронзы всех родов: маленькие пушки, двойные, королевские, фальконеты, василиски и пр.; у них же есть шесть больших орудий, ядра которых до аршина высотой, так что, когда они летят, их легко различаешь; у них много мортир, из которых

они стреляют греческим огнем.

12 дек. Его Величество со знатными своими выехал в поле, свита его была на испанских и турецких жеребцах, изобильно разукрашенных золотом и серебром. На царе было парчовое платье, на голове его алая шапка, усыпанная не только жемчугом, но и другими драгоценными камнями. Царские придворные все были в парчовых платьях, ехали они пред царем в порядке по 3-е, впереди их шли стрельцы по 5 в ряд; каждый стрелец нес пицаль на левом плече и фитиль в правой руке. В таком порядке они следовали на поле, где была установлена артиллерия, как сказано выше.

До прибытия Царя на поле, там был сделан помост из небольших свай, длиною в 1/4 мили; в 60 аршинах от этого помоста были поставлены кабаны льду, 2 фута толщиною и 6 фут. высотой, во всю длину помоста. Как только Царь прибыл на поле, стрельцы взошли на помост и разместились в порядке; когда же Царь занял место, откуда он мог бы видеть всю артиллерию, стрельцы начали стрелять в ледяной ряд, как будто была стычка или битва, и не прекращали стрельбы до тех пор, пока не разбили и не повалили на землю все льдины.

После стрельцов стреляли на воздух греческим огнем, что представляет великолепное зрелище. Затем начали стрелять из пушек, начиная с самых маленьких и постепенно переходя к большим, и, наконец, из самых больших. Когда выстрелили из всех, пушки снова были заряжены, и стреляли в

таком же порядке 3 раза, начиная с самых маленьких и кончая наибольшими. Заметьте, что еще до окончания стрельбы, 2 дома, в которые стреляли, были разбиты вдребезги, несмотря на то, что они были прочно сделаны из дерева и набиты землей, имея, по крайней мер, 30 фут. в ширину. По окончании этого торжества Царь отправился домой в таком же порядке, в каком он прибыл на поле. Артиллерия ежегодно стреляет в декабре таким порядком.

В Рождество Христово мы были приглашены обедать у Царя, нам подавались те же блюда и напитки, что и прежде; но прежде мы не видали в таком множестве столь дорогой и богатой посуды. Этот день в присутствии Царя обедало до 500 иностранцев и 200 Русских, и для всех поставлена была золотая посуда, притом поставлено было столько, сколько можно было уместить, ставя одну подле другой. Кроме того стояло 4 шкафа, наполненных золотой и серебряной посудой; между прочими предметами выдавались 12 серебряных бочонков, каждый вместимостью до 12 галлонов, на краях этих бочонков было по 6 золотых обручей. Обед этот продолжался 6 часов.

Во второй части «Описания» содержится информация, имеющая определенное сходство и с рядом сюжетов из «Записок» Герберштейна (например, пояснение, что титул «царь» в переводе означает король), и с «Книгой» Ченслора (об особой любви подданных к царю, который все у них отнимает и угнетает). Есть в этой части и оригинальные све-

дения о симпатиях Ивана IV к иностранцам, особенно военным, о его увлечении соколиной охотой, травлей зверей и игрой музыкантов. Данные Беста об увлечении русских государей охотой полностью подтверждаются исследованиями историков.

Но можно обнаружить и явные выдумки. Например, о том, что впавшие в немилость государя придворные отпускали длинные волосы (таких сведений ни в одном русском источнике нет), что мужья раз в неделю били жен кнутом и держали взаперти, что среди русских людей множество бедняков, питавшихся соломой, корой деревьев и травой и умиравших с голоду.

Характерно, что Бест сам же опровергал информацию о затворничестве женщин, сообщая о том, что те ездили на лошадях верхом и очень сильно красились. Значит, их он неоднократно видел на улицах Москвы.

Данные о голодающих бедняках опровергают и сведения об обилии всевозможных продуктов на русских рынках, и рассказ самого же Беста об активной благотворительной деятельности богатых монастырей, в которых щедро раздавались хлеб, мясо и напитки всем нуждающимся.

БЕСТ.

ОПИСАНИЕ РОССИИ НЕИЗВЕСТНОГО АНГЛИЧАНИНА

Имя Царя на их языке «Иван Васильевич», т. е. Иван, сын

Василия; по своему государскому положению он называется Царем (Ctesara), как и его предшественники, в переводе – король; приписывать себе титул никому не позволяется. Это слово «Царь» переводчики Его Величества издавна переводят «Emperor»; теперь он называется Царем и Великим Князем всей Руси и пр. До его отца его предки не назывались ни царями, ни королями, а только Великими Князьями (Knese Velike Great Duke). Нынешний царь Иван Васильевич превосходит своих предшественников, т. е. вместо князя – царь; так же, по рассказам, он превосходит их в твердости и отваге: он не больше боится своих неприятелей, которых не мало, чем сокол – жаворонков.

Враги, с которыми царь воюет: литовцы, поляки, шведы, датчане, лифляндцы, крымские, нагайские и все прочие татары, один из храбрейших и упорнейших народов под солнцем.

Этот царь обращается очень свободно как со своими знатными и подданными, так же точно и с иностранцами, которые служат ему в войнах или каких-нибудь других делах; для его удовольствия они должны довольно часто в году обедать у него; кроме того он часто выходит из дому в церковь или куда-либо в другое место и прогуливается со своими придворными. Благодаря чему, его не только обожают знатные и простой народ, но и так боятся его во всех его владениях, что я думаю, что нет Христианского государя, которого бы больше боялись и больше любили, чем это-

го. Если он приказывает кому-нибудь из бояр идти, тот бежит; если он скажет одному из них дурное или бранное слово, то виновный не может являться пред его лицо, если за ним не пошлют; но он должен притворяться больным, отпускает себе длиннейшие волосы на голове, не подрезая их, что есть очевидный признак, что он в немилости у Государя, потому что бояре в счастье считают позорным носить длинные волосы, вследствие чего волосы у них обыкновенно коротко обстрижены.

Его Величество выслушивает сам все жалобы и сам же устно произносит приговоры по всем делам, и без замедления, только в духовные дела не вмешивается, но представляет их целиком Митрополиту.

Его Величество принимает и хорошо вознаграждает иностранцев, приезжающих к нему на службу, особенно военных. Царь немного забавляется соколиной охотой, травлей зверей, музыкой или чем-нибудь подобным, но все свое удовольствие он полагает в 2-х вещах: в служении Богу, так он без сомнения, очень предан своей религии, и в планах как бы ему подчинить и завоевать своих врагов.

У царя чрезвычайно много золота и серебра в его казне; но большая часть его подданных не различит жестианки от кроны, золота от меди; они так угнетены, что имеющий 2–4 гроша уже богач.

Бест включил негатив о Русском государстве лишь по уже

сложившейся в Европе традиции. Вероятнее всего, заимствовал эту информацию из других сочинений и даже не заметил, что она противоречит его же собственным впечатлениям.

Дипломат и купец Антоний Дженкинсон побывал в Русском государстве четыре раза, описав свои путешествия в виде довольно кратких заметок. Первый раз он посетил Москву в 1557 году. Город произвел самое благоприятное впечатление – просторный, с хорошими рынками. Наибольшее внимание дипломата, как и его предшественников, привлекли приемы в царском дворце. На них, по его мнению, было не меньше 600 человек разных национальностей. Даже на обеде по случаю православного праздника Крещения присутствовало 300 иностранцев. Это наглядно свидетельствовало и о гостеприимстве русского государя, и о его симпатиях к иноземцам.

Дженкинсон не видит каких-либо недостатков у Ивана IV. Он, по его мнению, очень могущественный, поскольку отвоёвывал много земель у ливонцев, поляков, литовцев, шведов, татар и самоедов. Своих подданных держит в строгом повиновении, издал справедливые законы, почитает представителей духовенства.

Однако русские люди не вызывают у англичанина симпатий. «Болтуны, величайшие лжецы, льстецы и лицемеры, любят грубую пищу и вонючую рыбу». Женщин держат в большом подчинении. Все это повторяет, что писалось в «Книге»

Ченслора. Иностранцы беззастенчиво заимствовали друг у друга, лишь дополняя выдуманные детали. Если Йовий писал лишь о затворничестве женщин, то англичане добавили еженедельное наказание их кнутом.

Оригинальное известие в записках Дженкинсона касается владельцев кабаков, которые становились настоящими хозяевами некоторых городов. Чтобы поставить их на место, царь, якобы, посылал их на войну, где они были вынуждены растрачивать все накопленные деньги.

Эта информация вызывает большое сомнение. Во-первых, известно, что до эпохи Петра I ежедневное пьянство на Руси было запрещено. Поэтому владельцы питейных заведений не могли постоянно иметь сверхдоходы. Во-вторых, содержателями кабаков, вероятнее всего, были торговые люди, не принадлежащие к служилому сословию. В царское же войско набирали только дворян, стрельцов и казаков – профессиональных воинов. Ведал этим Разрядный приказ. Напрашивается вывод: Дженкинсон придумал историю о том, что владельцы кабаков могли взять в свои руки целый город. Возможно, такая практика существовала в Англии, но в России этого не было в XVI веке.

Даже видному английскому дипломату и купцу, которому было позднее позволено отправиться в Бухару и Персию, не удалось удержаться от отрицательной характеристики русских людей. Правда, критиковать самого Ивана IV он не посмел – слишком важными для Англии в то время были дру-

жеские отношения с царем. Он позволял английским купцам беспошлинно торговать на всей территории своей страны.

Записки о России составил еще один английский дипломат – Томас Рандольф. Он был отправлен королевой Елизаветой в Москву в 1568 году, когда во взаимоотношениях между двумя странами наступило похолодание. Английская сторона отказывалась заключать с царем важный для него военный договор, и рассерженный Иван IV намеривался разорвать всяческие отношения с королевой.

После нескольких аудиенций в первой половине 1569 года Рандольфу удалось уладить конфликт и получить новые привилегии для Московской торговой компании. Вернувшись на родину, он составил отчет о поездке. Следуя примеру предшественников, он не стал критически высказываться в адрес русского государя. Объектом его нападок стали русские монахи. По его утверждению, они не были учены, не занимались просвещением простых людей, поскольку предавались беспробудному пьянству и другим порокам. Несомненно, это было ложью, поскольку, напомним, иностранцы не имели доступа в русские монастыри. К тому же, по данным историков, именно монастыри были центрами просвещения в Русском государстве.

Но Рандольф, судя по всему, просто не мог удержаться от негатива в адрес русских людей. Так он пытался компенсировать унижения, испытанные во время первых приемов у царя.

К концу царствования Ивана Грозного взаимоотношения Русского государства с Англией окончательно испортились. Это наглядно видно из записок о поездке в Москву еще одного английского посла – Джерома Боуса. Он прибыл в Москву в октябре 1583 года, чтобы обсудить вопрос о новых привилегиях для английских купцов, которые были недовольны проникновением на русские рынки голландцев и французов. Царь же хотел подписать с Елизаветой договор о военной помощи против Стефана Батория и шведского короля, а также обсудить вопрос о заключении брака с родственницей королевы. Как свидетельствует сам Боус, переговоры шли трудно, в ходе них у царя случались приступы ярости. В итоге все закончилось его смертью 18 марта 1584 года.

Во время прощальной аудиенции глава Посольского приказа Щелкалов сказал Боусу: «Английский царь помер». От имени нового монарха Федора Ивановича английскому послу были даны пустая грамота и нищенский подарок.

Несмотря на эти унижения, Боус не решился высказать какую-либо критику в адрес русского государя и его подданных. Отчет о посольстве носит нейтральный характер. Правда, в нем почти нет никаких сведений о Русском государстве.

БОУС.

ПОСОЛЬСТВО

Несмотря на то, что привилегия на исключительное право англичан давно уже была дана царем, Голландцы так по-

вели дело, что средствами, требующими расходов, они сделали трех главнейших советников царя верными себе друзьями, именно Никиту Романовича, Богдана Бельского и дьяка Андрея Щелкалова; кроме постоянных подарков этим 3 лицам, Голландцы взяли у них в доме такую сумму денег с платежом 25 %, что только одному из этих трех лиц они платили ежедневно 5 тыс. марок. Английские же купцы в это время не имели ни одного приятеля во Дворе.

...

...Посла часто призывали ко двору, где он имел совещания с царем и его советниками о делах посольства, причем происходило много споров. Наконец после разных совещаний царь... дал волю своему гневу и сказал сурово и досадливо послу, что он не считает английскую королеву своим другом, «те, которые у меня есть, сказал он, лучше ее».

Посол... отвечал ему смело и выразительно, что королева, его повелительница, величайшая в христианском мире государыня, равна ему, считающему себя сильнейшим, что она легко защитится от его злобы, не имеет она ни в чем недостатка, чтобы напасть на всякого, кого она или имеет врагом или будет иметь. «Хорошо, сказал царь, что скажешь ты о Французском короле или Испанском». «Истинно, отвечал посол, я считаю королеву, мою государыню, столь же сильной, как и каждого из них». Тогда царь сказал «а что ты скажешь о Германском Императоре». «Такова сила королевы, моей государыни, отвечал тот, что король, ее отец

платил субсидии Императору в его войнах против французов».

Этот ответ так не понравился царю, что он сказал послу, что тот не посол и что он выгонит его из комнаты. На это тот отвечал, что царь может поступать по желанию, так как он находится в его стране, но что он имеет государыню, которая, без сомнения, отомстит за всякую причиненную ему обиду. Царь вдруг приказал ему идти домой. Посол, поклонившись не больше, чем требовал обычай, вышел. Однако немного спустя по выходе посла из палаты, когда гнев царя несколько утих, он говорил стоявшим около советникам многое в похвалу послу за то, что тот не хотел допустить ни одного обидного слова о своей государыне, и высказал при этом желание иметь самому таких же слуг.

Что общего в сочинениях англичан, составленных в период установления дипломатических и торговых контактов между двумя странами? Их авторы сообщали достоверную информацию только о торговых путях, товарах, которые можно было купить в русских городах, их географическом положении, русской столице и приемах в царском дворце.

Все остальное их не интересовало, поэтому они повторяли бытовавшие в Европе в это время «черные мифы» о русском пьянстве, грубости, лживости, склонности к суевериям и безделью русских людей, их рабской покорности любым властям. Характерно, что это происходило в тот период, ко-

гда английские посольства принимались в Москве с необычайным радушием и почетом, а купцы получали множество льгот и привилегий от Ивана IV. Получается, что англичане отвечали черной неблагодарностью за радушие и гостеприимство русских людей и их правителей. Ситуация, столь памятная старшему поколению по временам холодной войны.

Но вот что любопытно – «жесточайшим и ужасным» Ивана Грозного никто из них не называл – притом, что многие видели царя воочию. Никто не замечал сцен его тиранства.

Посольство Ер. Бауса (1583—84 гг.)

Джером Боус

Покойный русский царь, Иван Васильевич, вполне понимал, что для усиления своего положения ему необходимо возобновить торговые сношения с английск. королевой и притом с такими преимуществами и иммунитетами для славы и выгоды обоих государств и их подданных, какие могут быть допущены по взаимном обсуждении. Для этой цели царь отправил в наше государство в 1582 г. своего посланника, старинного доверенного дворянина своего Феод. Андр. Писемского и с ним одного из своих дьяков для пособия в этом деле. Кроме многих предложений, из которых одни были переданы устно, а другие изложены в грамоте с царскою печатью на имя Ее Величества, этому послу поручено было просить Ее Величество отравить с ним к его государю от себя посла для переговоров и окончания важных дел, касающихся обоих государств, которые были главною целью его (посла) приезда в Англию. Ее Величество, любезно соглашаясь на желание царя и снисходя на нижайшую просьбу английских купцов, торгующих в тех землях — удовлетворить эту просьбу царя, выбрала с. Ер. Бауса, дворянина, состоящего при Ее особе; доверением такого дела ему, очевидно, была оказана милость и лестное мнение о нем.

По получении им этого дела, грамот к русскому царю и

инструкций касательно его обязанностей и по дозволении русскому послу возвратиться домой к своему государю (принят он был с почетом и награжден), английский посланник, в сопровождении, по меньшей мере, 40 лиц, в числе которых было много дворян и м. Гумор. Коль, ученый проповедник, получил прощальную аудиенцию у Ее Величества в Гринвиче 18 Июня. Затем он с русским посланником и его свитой сели на корабль в Гарвиче 22 Июня и, после бурного путешествия по морю, оба они благополучно прибыли на рейд св. Николая 23 Июля. Русский посол поместился в монастырь св. Николая, английский был радушно принят в доме купцов на Розовом острове. Русский посол, отдохнувши день, простился с английским и уехал в Москву. Последний же прожил у рейда св. Николая еще 4 или 5 дней, нанимая суда и пр.; затем он тронулся в свое путешествие к Москве в гор. Холмогоры в 80 мил. от св. Николая.

Должно знать, что до приезда английск. посла в Россию, там жило много иностранцев, особенно Голландцев, которые незаконно вторглись в торговлю с этими странами. Не смотря на то, что привилегия на исключительное право англичан давно уже была дана царем, голландцы так повели дело, что средствами, требующими расходов, они сделали трех главнейших советников царя верными себе друзьями, именно Никиту Романовича, Богдана Бельского и дьяка Андрея Щелкалова; кроме постоянных подарков этим 3 лицам, Голландцы взяли у них в доме такую сумму денег с платежом

25 %, что только одному из этих трех лиц они платили ежедневно 5 тыс. марок. Английские же купцы в это время не имели ни одного приятеля во Дворе.

После того как посол прожил у мон. (монастыря. – *Примеч. ред.*) св. Николая и в Холмогорах 5 недель, к нему приехал дворянин, посланный царем принять его, проводить по рекам в Москву и снабжать его всем необходимым.

Этот дворянин, приятель Щелкалова, был им подсунут (как оказалось) в эту должность, чтобы, как это видно из принятого им образа действий, оказывать послу невежливости и неудовольствия. При этом должно заметить, что дьяк и два других важных советника (о которых было говорено, как о приятелях Голландцев) собирались препятствовать посольству Ее Величества, главным образом за старание исключить прочих иностранцев от торговли в этих странах.

Дворянин этот провожал английск. посла 1000 миль по рекам Двине и Сухоне до гор. Вологды, где посла принял другой дворянин, лучшего поведения, чем прежний; он подвел послу в подарок от царя двух прекрасных меринов, с красивой сбруей русского образца. В гор. Ярославле на Волге посла встретил князь с большой свитой, посланный царем; этот подарил от царя послу карету и 10 лошадей для более удобного путешествия в Москву, до которой отсюда 500 миль.

За 2 мили до Москвы посла встретили 4 дворянина, доброго звания, в сопровождении 200 всадников; они после

небольшого приветствия, не радушного, без объятий, передали ему, что имеют сказать ему от имени царя, и хотели было заставить его слезть с лошади для выслушания этого, а им самим остаться на лошадях; но посол отказался это сделать, и они долго спорили, должны ли обе стороны слезать с лошадей, и даже когда пришли к этому соглашению, было большое пререкание, чья нога должна быть раньше на земле.

Исполнивши данное им поручение, эти дворяне обнялись затем с послом и повели его в его помещение в Москве, в дом, нарочно для посла выстроенный; сами же они поместились в соседнем доме, так как они назначены были снабжать посла провизией и сопровождать его во всех случаях.

Посол провел несколько дней в Москве, с ним обращались за это время очень любезно (такова была воля царя, хотя некоторые его главные советники имели другие намерения и частью искусно пользовались обстоятельствами). После был приглашен явиться ко двору; туда его сопровождало до 40 дворян, роскошно одетых, ехавших верхом; во время проезда посла от его помещения до дворца было расставлено 5 или 6 тысяч стрельцов, царской стражи. При входе посла во дворец его встретили 4 знатных лица, в парчовых платьях и богатых мехах, шапки их были усыпаны жемчугом и драгоценными камнями. Эти лица провожали посла к царю, пока их не встретили 4 других, более важных, чем первые; те и повели посла дальше к царю. Во время прохода стояло вдоль стен и сидело на скамейках шеренгами до 700 или 800 знат-

ных лиц (говорили, что это знатные дворяне, все они одеты были в платья из цветного атласа и парчи).

Последние 4 лица довели посла до дверей царской палаты, у которых его встретили царский герольд, должность которого здесь считается важной, и прочие главные чины царской палаты, которые все проводили его к месту, где сидел на троне царь, имея возле себя три короны: Московскую, Казанскую и Астраханскую. Около царя стояло 4 молодых знатных, лет 12, по 2 с каждой стороны, в богатых белых платьях; каждый из них держал на плече по широкому топору, очень схожему с Ирландскими топорами: тонкий, очень острый, рукоятка не более полуаршина. Вокруг палаты сидело на лавках и других низких сиденьях больше 100 знатных лиц в дорогих парчовых платьях. Посол был подведен для целования царской руки; после любезных расспросов о здоровье Ее Величества, царь указал ему сесть на приготовленном для этого месте, в 10 шагах от себя, откуда посол, по желанию царя, должен был передать ему грамоты и подарки Ее Величества, посол, не считая это удобным, сделал несколько шагов по направлению к царю; Думный дьяк подскочил к нему и хотел было взять у него грамоту, но посол сказал ему, что не к нему послана грамота Ее Величества, и, подошедши, передал ее в руки царю.

Когда он передал грамоту и то, что он имел сказать, то он был проведен в комнату совета, откуда по совещании с думой о делах своего посольства, он снова был скоро позван

к царю; он обедал в присутствии царя, за боковым столом, близко к царю, свита обедала за другим столом; за остальными столами обедали все главнейшие знатные люди, числом до 100. Во время обеда царь оказывал послу большое внимание и посреди обеда, поднявшись, выпил большой кубок за здоровье королевы, своей доброй сестры и пожаловал послу большой кубок рейнского вина с сахаром выпить за свое здоровье.

После этого, посла часто призывали ко двору, где он имел совещания с царем и его советниками о делах посольства, причем происходило много споров. Наконец после разных совещаний царь, видя, что его желания не удовлетворены, (потому что посол не имел права, по данному ему наказу, принимать все, что царь считал нужным), как человек, не привыкший, чтоб отвергали его желание, дал волю своему гневу и сказал сурово и досадливо послу, что он не считает английскую королеву своим другом, «те, которые у меня есть, сказал он, лучше ее».

Посол, сильно огорченный такими речами, не желал однако ж (как бы опасно ни было для него самого) позволить царю нарушить приличие по отношению к чести Ее Величества и, полагая, что, подчиняясь его дурному расположению, не получишь от него должного, отвечал ему смело и выразительно, что королева, его повелительница, величайшая в христианском мире государыня, равна ему, считающему се-

бя сильнейшим, что она легко защитится от его злобы, не имеет она ни в чем недостатка, чтобы напасть на всякого, кого она или имеет врагом или будет иметь. «Хорошо, сказал царь, что скажешь ты о французском короле или испанском». «Истинно, отвечал посол, я считаю королеву, мою государыню, столь же сильной, как и каждого из них». Тогда царь сказал: «а что ты скажешь о германском императоре». «Такова сила королевы, моей государыни, отвечал тот, что король, ее отец (не очень давно) платил субсидии императору в его войнах против французов».

Этот ответ так не понравился царю, что он сказал послу, что тот не посол и что он выгонит его из комнаты. На это тот отвечал, что царь может поступать по желанию, так как он (посол) находится в его стране, но что он имеет государыню, которая, без сомнения, отомстит за всякую причиненную ему обиду. Царь вдруг приказал ему идти домой. Посол, поклонившись не больше, чем требовал обычай, вышел. Однако немного спустя по выходе посла из палаты, когда гнев царя несколько утих, он говорил стоявшим около советникам многое в похвалу послу за то, что тот не хотел допустить ни одного обидного слова о своей государыне, и высказал при этом желание иметь самому таких же слуг.

Едва посол провел в своем помещении какой-нибудь час, как царь, поняв по особенному поведению посла (он не имеет недостатка в способности право судить), что тот знал, что это был припадок (болезнь) царя, послал к нему своего дум-

ного дьяка сообщить, что несмотря на все, что произошло, царь по своей великой любви, какую он питает к королеве, своей сестре, призовет его (посла) к себе и даст ответ на все пункты просьбы; далее этот дьяк с радостью сообщил, что царь окончательно решил отправить знатного вельможу послом к королеве, своей сестре, какого он еще никогда не отправлял, а также, что он решил послать королеве подарок ценою в 3 тыс. фунтов, а посла он удовлетворит при отъезде подарком в 1 тыс. фун., далее этот же дьяк объявил, что на следующий день царь пришлет к нему вельможу для расследования дела об обидах, причиненных ему думным дьяком Щелкаловым и его прислужниками. На следующий день царь прислал Богдана Бельского, главнейшего и самого доверенного своего советника; этот муж расспрашивал посла обо всем, в чем тот считал себя обиженным, дополнил ему недостающее и восстановил справедливость там, где тот был обойден. Немного спустя по уходе этого вельможи, царь приказал давать теперь же новое, более щедрое жалованье на корм послу, чем то, что полагалось прежде, и оно в скором времени принесено было послу думным дьяком, Сав. Фроловым. Корм этот был так обилен, что посол несколько раз просил отменить его, но царь ни за что не соглашался на это.

Роспись нового корма...

Для удобства чтения перечень и объемы продуктов произведены в формате таблицы (здесь и далее, кроме текста Мединского, комментарии редактора выделены курси-

вом).

Продукты	Кол.-во дней
1 бушель* (четверик) прекрас. муки	3
1 бушель пшеничной муки	1,5
2 живых гуся	1
20 кур	1
7 баранов	1
1 бык	3
1 бок поросенка	1
70 яиц	1
10 фунтов масла	1
70 белых хлебов (по пенни)	1
12 хлебов	-
1 галлон уксуса	-

Примечание: 1 бушель = 36,36872 л (дм³).

2 бочонка (reathers) соленой капусты, 1 гарнц луку, 10 фунт. соли, на 1 алтын или 6 пенсов восковых свечей, на 2 алтына сальных, 1/4 бочонка (reather) вишневого меда, столько же мамонового, 1/2 галлона горячего вина, 3 галл. сладкого меда, 10 галл. белого, 15 галл. обыкновен. меда, 4 галл. сладкого пива, 15 галл. – простого, 1/2 фунт. перцу, 3 золотника или унц. шафрана, 1 зол. of mase, 1 – мушката, 2 – гвоздики,

1 – корицы. Фуражу: 1 бушель овса, сена и соломы...

Далее автор подробно рассказывает о том, чего удалось добиться британскому послу. Начиная от получения разрешения на отъезд на родину отдельных британских подданных, например, «царскому хирургу Рич. Элмсу», и заканчивая получением различных привилегий для купцов.

На все это последовало согласие, нечто было уже уплачено до отъезда посла из Москвы, старые привилегии были подписаны, новые – написаны, подписаны и скреплены печатью и оставалось только передать их послу в ближайший его приезд ко двору. Как вдруг царь заболел от пресыщения и помер³...

(Пер. С.М. Середонина)

Текст воспроизведен по изданию: Известия англичан о России XVI в. // Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских. № 4. М., 1884.

³ Существует версия о том, что царь был отравлен «коктейлем» из мышьяка и ртути, который давали ему в течение какого-то времени.

Путешествие Томаса Рандольфа (1568–1569 годы)

Томас Рандольф

22 июня я со своей свитой взошел на борт «Гарри», стоявшего на Граузендском рейде; моя свита состояла приблизительно из 40 челов.; половину составляли джентльмены желавшие посмотреть свет.

Через день плавания мы потеряли из виду землю; мы взяли курс прямо на Сев., пока не достигли Нордкапа; 12 дней мы плыли под попутным ветром, без бурь и волнений. Поравнявшись с Нордкапом, мы взяли курс на Юг. – Вост., имея на правой руке Норвегию, Вардгуус, Лапландию, но мы не видали до тех пор, пока не подплыли к мысу Gallant; тогда мы плыли между 2 заливов, а на 32 день по отплытии из Гарвича, мы бросили якорь на рейде св. Николая....

23 июля мы вышли на берег св. Николая, здесь стоит монастырь, в котором около 20 монахов; он весь выстроен из дерева; монахи одеты, как и наши прежние, в черные капоры; их церковь красива, но переполнена нарисованными образами и восковыми свечами. Дома их низки, с маленькими комнатками. Живут монахи отдельно, едят вместе, сильно предаются пьянству, не учены, писать умеют, но никогда не поучают, в Церкви торжественны, молятся долго.

При первом моем приходе настоятель подарил мне 2 больших ржаных хлеба, рыб: свежей, соленой, морской и ручной, живого черного барана с белой мордой, это для того, чтобы радушнее встретить меня; затем, пригласив меня торжественно посетить их жилища, они простились с нами. Городка или жилищ около мон. св. Николая нет; только 4 дома, да здание, построенное английской компанией для собственных нужд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.